

© М. Н. ЩЕРБИНИН¹, Н. С. АНДРЕЕВА²

¹Тюменский государственный университет

²Государственный аграрный университет Северного Зауралья
fil.kaf@yandex.ru

УДК 111.85

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ФУНДАМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

AESTHETIC ANTHROPOLOGY AS THE FOUNDATION OF EDUCATIONAL PRACTICE

Авторы статьи предпринимают попытку подойти к исследованию философских оснований современной целенаправленной организации образовательных процессов. Обнаруживается такая существенная характеристика публичной речи, как перформативность, формально-художественная выразительность. Эстетические характеристики социального бытия рассматриваются как базовые и всеобъемлющие. В этой связи артикулируется новое философское направление «эстетическая антропология», выявляется актуальность эстетико-антропологических принципов научного поиска. Авторы разъясняют и характеризуют предмет эстетико-антропологического исследования, который в обобщенном виде предстает как потенциал развития человеческой сущности в континууме свободы, фундируемой эстетическими обобщающими архитектурными состояниями индивидуумов. Эстетическое самопознание сущности человека характеризуется как содержательное и результативное, предотвращающее нежелательные последствия, которые могут явиться следствием узнавания «разрушительной правды» о человеке, и таким образом укорененное в человеческой истории как залог инфинитизма в развитии человечества, неисчерпаемости глубин человеческого духа. Наряду со способами художественного самопознания и самоосуществления человека, в статье обозначаются некоторые методы эстетико-антропологического поиска. Исследуется принцип фигуративной собирательности взаимосвязанных и обобщенных до всечеловеческой целостности субъектов. Таким образом, обосновывается ценностное отношение к глубинным источникам развития и саморазвития человека.

The authors attempt to study the philosophical foundations of the modern purposeful organization of educational processes. In the course of research the authors discover that performative character and formal artistic expression are significant features of public speech. Aesthetic characteristics of social life are considered to be basic and comprehensive. In this regard, a new philosophical direction called «aesthetic anthropology» is being formed, and the relevance of aesthetic-anthropological principles of scientific research are revealed. The

authors explain and describe the subject of aesthetic-anthropological studies, which in the aggregate appears as the potential for the development of human nature in the continuum of freedoms reinforced by aesthetic synthesis of the archetypal states of individuals. Aesthetic self-knowledge of human nature is characterized as substantive and productive, preventing undesirable consequences that may arise from recognizing «the devastating truth» about man, and thus rooted in human history as the key to infinitism in the development of mankind and inexhaustible depths of human spirit. Along with the methods of artistic self-discovery and realization of a person the authors of the article indicated some methods of aesthetic and anthropological search. The authors study the principle of figurative collecting of interrelated and generalized to the integrity of human subjects. Thus, the value attitude to the deep sources of human development and self-development is justified in the article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Эстетическая антропология, субъект, человеческая сущность, интерактивные практики.

KEY WORDS. Aesthetic anthropology, subject, human essence, interactive practice.

Современные образовательные практики интерактивного обучающего взаимодействия имеют свой онтологический и мировоззренческий «код», при анализе которого мы соприкасаемся с проблематикой субъекта и интересубъективности, воплощенной в герменевтических принципах однонаправленности процессов познания, самопознания, понимания, объективации, а также в принципах свободы от нивелирования субъекта в его ценностных оценках и отнесения субъекта к ценности. Перформативность сообщающихся практик играет при этом не последнюю роль [1], а рассеивание, растворение эстетического в бытии, присутствие во всем «эстетичности» как «самого глубокого» признака бытия (по выражению П. А. Флоренского) [2, с. 5], представляет предметную область эстетической антропологии — современного направления философского дискурса.

Несмотря на то, что философская традиция, в том числе отечественная, артикулирует эстетические основания человеческого бытия, их глубину и всеохватность, существуют определенные трудности в понимании предмета и специфики вышеозначенного направления. Термин «эстетическая антропология» чаще всего бывает понят внешним образом, как совокупность проблем украшения, гармонизации, усовершенствования человека и человеческого. Этот внешний момент совершенно не отражает проблему. Предмет эстетической антропологии изначально артикулировался как определенный способ проникновения в человеческую сущность [3]. Наиболее философски содержательным является момент познания человеческой сущности, а не изменения человеческой внешности, причем в «косметологических» приемах. Более того, эстетическая антропология занимается проблемой *самопознания* человеческой сущности, которое осуществляется с помощью ценностей эстетики и эстетических ценностей, с помощью искусства. И тут важно проникновение в те тайны, в то сокровенное, в то сущностное, не видимое и не обнаруживаемое иначе, которое удастся осуществить в эстетических переживаниях как реципиенту произведения искусства, так и самому художнику.

Эстетическая антропология изначально задумывалась как исследование специфических сред собирания, сообщаемости, сомыслия, объективации субъективных действий, волений, мышлений, бессознательных и рефлексивных актов, где определенную роль играла художественность. Подчеркивалась до-рефлексивность художественных способов обобщения индивидов до целостности [4]. Художественность, распространяющаяся за пределами искусства, определяемая созвучно и соразмерно красоте [5], способна объективировать дух эпохи, социально-политическую практику эпохи. Речь человека имеет атрибутику художественной оформленности, вымысла и замысла, символической образности и составляет публичное пространство интерсубъективной активности, актуализации знания, ограничения информации в фигуре смысла (понимания, со-мыслия, со-действия), в образовательном обиходе школы именуемое как интерактивное взаимодействие субъектов познания и самопознания.

Обозначим два пласта, которые, собственно, и затемняют, затемняют понимание самой сути эстетической антропологии как философской школы, течения, направления. С одной стороны, глубинным фундаментом направления является проникновение в сущность как, прежде всего, самопознание, а не как лоск, приукрашивание, приукрашивание человека. Это тот род самопознания, которое дается либо посредством искусства, либо при непосредственной художественной активности. И в этом смысле нам полезны и собственно эстетические переживания, и переживания самих художников, деятелей искусства, которые исповедально выплескивают, вольно или невольно вытаскивают из себя ту тайну, то сокровенное, то сущностное, которое иным образом не способно быть выражено и изображено, нежели через искусство. Здесь очень важен следующий базовый постулат о том, что сущность человека не константна, она развивается, должна развиваться, и в этой неисчерпаемости человеческой сущности залог прогресса и инфинитизм в развитии и становлении человека, в его совершенствовании и самопознании. Мы исходим из той точки зрения, что если самопознание завершится и мы познаем себя и свою сущность до конца, то это станет концом и венцом развития человека и его существования.

При этом интерес к субъекту отнюдь не случаен. В условиях незаконченности, незавершенности, динамизма человеческой сущности, «общее в жизнедеятельности рода человеческого» [6, с. 37] нуждается в обобщении субъективных стремлений именно через включение «механизма прямой «необходимости свободы», посредством «фигуративного характера существования общего и обобщения в феномене человеческой свободы» [6, с. 37]. Становление человеческой сущности происходит в континууме свободы. Но свобода может являться результатом фигуральной собранности усилий [7, с. 197], когда человеческое воспринимается именно эстетически как бытие в социально-типических (ролевых) либо в архетипических (героических и возвышенных, комических и прекрасных) состояниях-ситуациях [8].

Через исповедальный момент, через эстетические ценности и переживания мы обнаруживаем и обнажаем человеческую сущность уже для нашего ума, для

рефлексии, для разума, но не убийственным образом, как это сделала бы прямая антропология человеческой сущности, а «по касательной», через аллегории, через преобразование, через предвидение, через олицетворение, через фигуративность [9]. Когда, прикасаясь к собственной сущности не только в гармонических ее проявлениях, обнаруживая ее и одновременно развивая, мы не сталкиваемся лицом к лицу с «медузой Горгоной», с кошмарным, тяжелым, неприятным для самого человека фактом. Встреча с тем монструозным, которое, возможно, существует в нашей сущности, окажется не только неприятной, но и разрушительной, коллапсирующей для человеческого сознания и самопознания. Человек может впасть в ступор (так же, как при столкновении с той самой медузой Горгоной), получить познавательный-психологический шок, который потребует закончить это самокопание в своей сущности. Средствами искусства мы, познавая «по касательной», избегаем познавательного коллапса от встречи с нашей собственной сущностью. И тогда, через аллегории, мы встречаемся с этой сущностью под другими именами, под другими портретами, под другими изображениями, судьбами, в художественных фильмах, например, приукрашенной вымыслами, приукрашенной замыслами, не впадая в ужас, не столбенея.

Самопознание, самопроникновение в эту сущность происходит без коллапсирующей ситуации для сознания, для познания, для собственной психики, чтобы не получить разрушения этой психики. Мы создаем творческий образ; тут можно вспомнить и Фрейда, и сублимацию, мы создаем нечто, что выглядит терпимым, сносным, приятным. И вот тут-то идея неисчерпаемости у нас разворачивается в идею инфинитизма — как в самопознании, так и в развитии самой сущности человеческой. Требуют разработки два эстетико-антропологических пласта: с одной стороны человек сам меняется и должен меняться, благодаря эстетическим ценностям, художественной практике. С другой стороны, он должен быть способным познать собственную *сущность в развитии*, ту сущность, которая в прямом схватывании «хирургически» устроенным разумом будет либо умерщвлена, либо просто поразит тебя своей неказистостью. Для самопознания человека, очевидно, не подходит грубая рациональность, потому что человек есть и то, и другое, и прямо противоположное, и прекрасное, и безобразное, и возвышенное, и низменное, и приятное, и неприятное, и всякое. В итоге человек может пройти в самопознании гораздо дальше с помощью «эстетической косметологии», нежели с помощью «хирургии грубой рациональности» разума.

Существует два схожих термина — «самообнаруживание» и «самообнаружение», — отличающихся одним нюансом. Для нас подходит термин «самообнаружение». Человеческая сущность бывает явлена наружу в своих переживаниях эстетического свойства. «Само-обнаружение» как и «самообнажение» происходит и в художнике, и в обычном человеке, воспринимающем искусство. Собственно, это само-обнаружение того, что требует и своего обнаружения, и самообнажения, не эксгибиционистского, а исповедального типа, когда обнажаются прообразы чисто художественного свойства (исповедален характер

выступлений певца, вокалиста, несомненно, исповедален характер живописи, как исповедален характер музыки). Скульптура открывает исповедальную сущность Пигмалеона в его Галатее.

Определенная сложность и смутность самопознания и саморазвития человека и человечества оборачивается завесой в понимании эстетико-антропологической проблемы, направления в целом. Тот «мудрый туман», который свойственен эстетико-антропологическим работам и соображениям, все же обладает эвристическим преимуществом в отношении абсолютно чистого, точного, выверенного познания, где все определено «от и до». Об этом смутном познании пишет Жан Рансьер в своей работе «Эстетическое бессознательное», где он противопоставляет Логосу Пафос [10]. Пафос как недосказанность, как «дело в безделии», мысль без мысли как раз и характерен для эстетического самоанализа, для эстетической антропологии, где человеку не удается себя выплеснуть сразу и вместе с рациональностью обнажить свою сущность. Этого и не нужно. Если бы рациональность была на то способна, она бы погубила человека и себя. Это «смутное познание», если вспомнить и А. Баумгартена, и Жана Рансьера, есть мышление в форме немоты, работа подсознания, материал для психоаналитического рассмотрения, нескончаемый повод для забот психоаналитика. В мире искусства мощно на прорыв к истине работают универсальные приемы, такие как сцена на сцене, кадр в кадре. Интересный момент самообнаружения наступает тогда, когда герой действует вместо тебя, автора. Герой, собственно, осуществляет твою мысль в действие, в то время как ты физически бездействен. Твоя пассивность компенсируется активностью героя. Причем герой ведет себя подчас нелепо, попадая в трагические и в трагикомические ситуации, а ты выглядишь как кукловод, хотя на самом деле ты в своей реальности попадаешь в еще большие передраги. Однако в действиях героя выражена автобиография твоего духа. Эти моменты как раз связаны с присутствием эстетического бессознательного, которое не требует огульной правды и явленности. Смутность и бессознательность эстетического помогают человеку удержаться от хирургии там, где хирургия не нужна, от известной неуверенности по поводу собственной сущности, собственной неказистости.

Как методы эстетической антропологии, олицетворение и фигуративность взаимосвязаны, но исторически они присутствуют как этапы и в развертывании человеческой сущности, и в ее отражении в истории искусства, и в эстетических (научных) соображениях по поводу искусства. Так, на смену фигуративной скульптурности сущности приходит ее портретная олицетворенность, потом характерная театральная фигуративность и т. д.

Фигура — ограниченная со всех сторон бесконечность (допустим, бесконечность информации). Для того чтобы определиться в этой бесконечности, ты либо сам должен быть «фигурой», либо должен нарисовать, художественно воплотить эту фигуру. Фигура конечна, иначе она теряет фигуративность. Она должна быть представлена каким-то образом, в образе — какими-то штрихами, линиями. Самые простые фигуры — математические, более сложные — архи-

тектурные фигуры, за которыми исторически следует телесно-скульптурная человеческая фигуративность, в конце концов, существует семантическая модель фигуры, касающаяся фигуры смысла. В ней происходит ограничение смыслов, бесконечности смыслов, информации.

В эстетической антропологии, собственно, важно то, что давно уже выразил О. Уайльд — искусство есть зеркало, в котором человек узнает самого себя — под другими именами, не страшась, не умирая от испуга от перспективы впасть в немилость, впасть в конец, впасть в состояние уже не жизни — смерти. Антропология есть в данном смысле самопознание. Таким образом, сознание не коллапсирует, над нами не витает бесконечная мысль о смертности, о конце. В искусстве мы наблюдаем продолжение жизни в других именах. Перестает быть коллапсом для тебя мысль о том, что ты конечен, следствием которой может явиться безразличие к бытию. Калейдоскопическая смена имен, событий, приключений увлекает и развлекает, а с другой стороны, собственно, она и делает менее трагичным ощущение собственной конечности, собственной одинокости, одиночества, как момент психологического свойства. Главным образом, искусство не дает человеку сделать кошунственный и слишком радикальный вывод о том, что «я есть то, что я есть по своей природе», перебрасывая мосты к человеческой свободе. Знать человеку все о себе не только страшно, но и не нужно. Знание всего означает знание будущего, знание будущего может быть конкретизировано до того, что поможет человеку просчитать все. Вот это знание всего — и собственного конца, и всех событий своей жизни в перспективе означает тот же коллапс. Для нормальной жизни это означает конец позитивности самопознания, превращает все в трагический негатив.

Эстетическая антропология охраняет эту неисчерпаемость личности. Н. А. Бердяев когда-то полагал, что если не противопоставить бесконечность личности бесконечности мира, то бесконечность мира, бездна нас раздавит. Современная наука, измерив вселенную в парсеках, давно видит нас даже не песчинкой и не каплей в океане: мы еще меньше, еще незначительнее. И сознание, голенькое, рациональное, прекрасно способно просчитать меру своей незначительности. В перспективе ты должен превратиться в тот самый электронный ветер, который унесет тебя вместе с информацией в другие галактики, в другие вселенные, где не останется уже ничего привычно-человеческого.

Если воспринимать жизнь как череду болезней и страданий, то надо уйти после нее в другое измерение. Собственно, наука нам и предлагает пост-человеческую цивилизацию, которая способна будет пережить флуктуации катаклизмов космического рода. Но при этом мы отказываемся от самих себя в том антропологическом варианте, к которому мы не только привыкли, но который есть сочетание всего нашего человеческого: и материального, и духовного, и красоты, и безобразия. Терпимость к себе, к собственной природе выступает еще одним основанием такого современного образовательного принципа, как

избирательность методов и приемов контроля знаний, с учетом того, что чувствительность к публичному обнаружению собственной компетентности (некомпетентности) является залогом как актуальности знания, так и ценности познающего субъекта в его извечном чаянии гармонии свободы с целесообразностью собственной природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Л. А. Человек: соотношение национального и общечеловеческого // Сборник материалов международного симпозиума. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. Вып. 2. С. 38-46.
2. Бычков В. В. Выражение невыразимого, или Иррациональное в свете рации // Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010. С. 5-30.
3. Эстетическая антропология: коллективная монография / под ред. М. Н. Щербинина. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 248 с.
4. Щербинин М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии): монография. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2005. 312 с.
5. Бычков В. В. Художественность как сущностный принцип искусства // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 3-14.
6. Щербинин М. Н. Свобода и необходимость в рациональности гуманитарного познания как выражение ее возможностей и пределов // Вестник ТюмГУ. 2013. № 10. Серия: Философия. С. 37-45.
7. Мамардашвили М. К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
8. Андреева Н. С. Онтологический статус красоты человека // Вестник ТюмГУ. 2013. № 10. Серия: Философия. С. 71-76.
9. Эстетическая антропология: фигуративный аспект: коллективная монография / под ред. М. Н. Щербинина. Тюмень: Мандр и Ка, 2014. 192 с.
10. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. СПб.; М.: Machina, 2004. 128 с.

REFERENCES

1. Antonova, L. A. Chelovek: sootnoshenie nacional'nogo i obshhechelovecheskogo // Sbornik materialov mezhdunarodnogo simpoziuma [Man: the ratio of national and universal // Collection of materials of the International Symposium]. Issue 2. St-Petersburg: St-Petersburg Philosophical Society, 2004. Pp. 38-46.
2. Bychkov, V. V. Vyrazhenie nevyrazimogo, ili Irracional'noe v svete racio // Losev A. F. Dialektika hudozhestvennoj formy [The expression of the inexpressible, or Irrational in the light of reason // Losev A. F. the Dialectics of an artistic form]. M.: Academic project, 2010. Pp. 5-30.
3. Esteticheskaja antropologija: Kollektivnaja monografija / pod red. M.N.Shherbinina [Esthetic Anthropology: Multi-author book / Edited by M.N. Shcherbinin]. Tyumen: Vector Book, 2007. 248 p.

4. Shcherbinin, M. N. *Iskusstvo i filosofija v genezise smysloobrazovanija (Opyt jesteticheskoj antropologii): Monografiya [Art and Philosophy in meaning-making genesis (Esthetic anthropology experience): a monograph]*. Tyumen: Tyumen state University Publishing House, 2005. 312 p.
5. Bychkov, V. V. *Hudozhestvennost' kak sushhnostnyj princip iskusstva // Voprosy filosofii [Artistry as the essential principle of art // Issues of philosophy]*. 2015. № 3. Pp. 3-14.
6. Shcherbinin, M. N. *Svoboda i neobhodimost' v racional'nosti gumanitarnogo poznaniya kak vyrazhenie ejo vozmozhnostej i predelov [Freedom and necessity in rationality of human cognition as expression of its potential and limits]*. Tyumen State University Herald. 2013. Series «Philosophy». № 10. Pp. 30-37.
7. Mamardashvili, M. K. *D'javol igraet nami, kogda my ne myslim tochno // Soznanie i civilizacija [The Devil plays with us, when we do not think precisely // Consciousness and civilization]*. St-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2011. 288 p.
8. Andreeva, N. S. *Ontologicheskij status krasoty cheloveka [Ontological status of human beauty] // Tyumen State University Herald. 2013. Series «Philosophy». № 10. Pp. 71-76.*
9. *Esteticheskaja antropologija: figurativnyj aspekt [Esthetic Anthropology: figurative aspect / Ed. By Shcherbinin]*. Tyumen: Mandr and company, 2014. 192 p.
10. Ranciere J. *Esteticheskoe bessoznatel'noe [Aesthetic unconscious]*. St-Petersburg; Moscow: Machina, 2004. 128 p.

Авторы публикации

Михаил Николаевич Щербинин — профессор кафедры философии Тюменского государственного университета, доктор философских наук

Наталья Сергеевна Андреева — старший преподаватель кафедры философии Государственного аграрного университета Северного Зауралья, кандидат философских наук

Authors of the publication

Mikhail N. Shcherbinin — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Tyumen State University

Natalia S. Andreeva — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Department of Philosophy, State Agricultural University of Northern Trans-Urals